

"Брандо — человек непредсказуемый, живет, как дикий кот, по своим непредсказуемым кошачьим законам. Как можно предсказать поведение рыси, тигра, пантеры? Брандо таков же..."
А.Кончаловский

Я прочитал эти слова Андрея Кончаловского, равно как и всю главу в его книге "Низкие истины", посвященную Брандо: как удачно они попались мне на глаза. Ведь и в самом деле — великий и легендарный Марлон Брандо прежде всего именно что непредсказуем. Невычислим. Никогда невозможно предугадать каков будет его следующий шаг. Его следующий фильм. Его следующий герой. Недаром, на протяжении стольких лет наиболее часто употребляемое в англо-американской кинокритике словечко, когда заходит речь о Брандо, является "rebel". Бунтарь, человек, выбивающийся, выламывающийся из всех и всяческих рамок. Кот, который гуляет сам по себе. Неудобный и неуживчивый в жизни частной и в жизни кинематографической. Всегда — отдельный.

По сути, славу Голливуда, его мировую, его общечеловеческую славу, составили именно актеры-одиночки, нарушавшие его всегда строго определенные законы, только потому и прорываясь к пости-

стрировать запредельные актерские выси. Когда дух захватывает — а вроде бы от земли и не отрывался.

Именно таким — абсолютно земным, будничным, абсолютно от мира сего кажется поначалу его герой (из фильма "Дон Жуан де Марко" — врач психиатрической клиники Джек Миклер, которому осталось работать до пенсии ровно десять дней. Вот в этот-то момент его жизни и возникает на горизонте странное существо: одетый в плащ (правда, без гитары под полою) юнец, называющий себя Дон Жуан де Марко. Один из молодых кумиров сегодняшнего Голливуда Джонни Депп в этом фильме словно бы полный антипод Брандо. В его герое все придумано, все — поза, все — маска, все — игра. Придумана, сочинена его биография, придумана и сама роль, которую он решил сыграть, ибо ничем иным не может он выделиться в толпе.

Но самое интересное, что изощренно-опытный психиатр доктор Миклер словно бы поддается его странному обаянию — обаянию, прямо скажем, рассчитанному не более, чем на детское воображение. Верит ли доктор в действительности его рассказам? Да никогда! Просто дело в том, что романтические бредни, которыми морочит всем голову его вполне нормальный, абсолютно здорово-мыслящий пациент, для героя Брандо является его сутью. Сутью, которую столь тщательно и столь долго прятал он в тайниках своего подсознания. Он тоже носил маску, только маску наоборот. Будучи натурой исключительной, он хотел казаться, как все. И это ему вполне удавалось. Кажется, даже умная, пронизательная, по-

Высокая болезнь Брандо

Юрий ФРИДШТЕЙН

жению глубин и тайн, разгадка которых вовсе не входит в задачи средне-статистической голливудской продукции. Даже наоборот. Ведь с такими никогда не знаешь, куда их поведет. Такой была, на мой взгляд, Бетт Дэвис. Или Кэтрин Хепберн. Или Марлен Дитрих. Мэрилин Монро нарушить законы не позволили. Мне почему-то кажется, что именно это и стало причиной ее ухода: она задохнулась от собственной невоплощенности.

Но то все — актрисы. Имена же актеров-мужчин подобного бунтарского склада приходят на ум как-то со значительно большим трудом, и когда смотришь голливудские фильмы, то знаменитые и именитые звезды, которым когда-то поклонялись, выглядят чуть ли не братьями-близнецами. Побеждал типаж, за которым терялась, подчас безнадежно, индивидуальность. У Брандо все всегда было с точностью до наоборот. Потому, наверное, за ослепительной оболстительностью его героев молодых лет скрывалось, в сущности, совсем-совсем иное, и каждый из них был ни на кого не похож. Брандо подражали многие (ведь и вылинявшие джинсы, и майки J-Shirts ввел в моду именно он, точнее, конечно же, ничего он не вводил — он просто так одевался, вот и все). Он не подражал никому и никогда. Не было необходимости.

С течением лет менялась внешность, менялись ситуации, менялись герои. И внешних приемов становилось все меньше, экспрессивность сменялась чуть ли не статуарной статикой, когда порой могло показаться: ну, он же просто **ничего не делает!** О, именно это актерское "ничегонеделанье" и есть высший актерский пилотаж, когда потом, вспоминая увиденный фильм, тщетно пытаешься сообразить: а **как** он все это делал? И что, собственно, вообще делал он на экране? Чем достигался единственно необходимый эффект, иллюзия нашего полного знания человека, которым он только что был? Внешние проявления становились с годами все тоньше, незаметнее, изощреннее — ведь изощренность вовсе не обязательно предполагает вычурность формы, она может проявляться и в ее неразличимости.

Именно "ничегонеделанье" Брандо и было самым поразительным в фильме (показанном на ОРТ), о котором я решил написать. Точнее — только оно-то и было в нем по-настоящему поразительным. Кажется даже, что и самый фильм сочинили и сняли затем лишь, чтобы в очередной раз дать Брандо возможность продемон-

сей день влюбленная в него, жена (как всегда потаенно-обворожительная Фэй Данауэй) ни о чем таком не догадывалась. Но вот возник этот с головы до пят придуманный мальчик, и своей придумкой пробудил в сознании доктора его настоящее. Мальчик, конечно же, неглуп, и тайну доктора он разгадал. В этом седом, одетом в нечто, что мы называем "вязаной кофтой" (явно более уместное слово "кардиган" в голову как-то не приходит), он разглядел-таки неисправимого романтика и разыграл перед ним спектакль про придуманного им персонажа. (Экранное воплощение его рассказа и впрямь напоминает нечто вполне театральное, с декорациями, костюмами, бурными страстями и прочими аксессуарами).

Впрочем, и доктор тоже разгадал его игру, хотя вторжение в безнадежно-размеренный ритм собственной, пенсионной уже почти жизни все равно воспринимает как некое знамение, что ли: "Кто он на самом деле — не знаю. Но он как-то странно влияет на меня", — произнесет доктор в одном из разговоров с женой. Произнесет — не то, чтобы пытаясь **понять**, а так просто — словно бы облекая в слова совсем смутные свои ощущения. Ощущения, которые теперь пришло время выпустить из заточения на волю.

А в финале доктор и его пациент будто поменяются ролями. И Дон Жуан де Марко, переодетый в обычные джинсы и майку (случайна ли эта "отсылка" к "фирменному знаку" молодого Брандо?), окажется вполне заурядным парнем, чья реальная, невыдуманная история банальна, как банальна вообще всякая невыдуманная история. А доктор, чье десятидневное испытание (своеобразный искус?) подошло к концу, тоже станет наконец-то самим собой. Он скажет: "Мое имя Дон Октавио дель Флорес. Я величайший в мире психиатр. Я вылечил тысячи больных". Не отрекаясь от прожитой жизни, он возвращает себе истинное свое имя. И танец с женой в финале — одновременно учтиво-старомодный и оболстительно-страстный, танец, который танцуют они среди знойного пейзажа острова Эрос, острова Любви, — восхитителен. Конечно же, чуть ироничный. Конечно же, упоительно романтический. Он и смеется над самим собой, старый Брандо, и все же ни секунды ничего из им сделанного не перечеркивает. По-прежнему, бунтарь, по-прежнему возмутитель спокойствия. И по-прежнему — одиночка. И совсем не преувеличением кажутся слова все того же Андрея Кончаловского, с которого я начал и которым закончу: "У меня было ощущение, что я беседовал с одним из самых великих людей в мире. Думаю, так на самом деле и обстоит".

Думаю, что так и обстоит. Великий, легендарный, непредсказуемый Брандо. Вечный бунтарь. The rebel.

Экран 4 сцена - 1998 - ноябрь (~44) -